

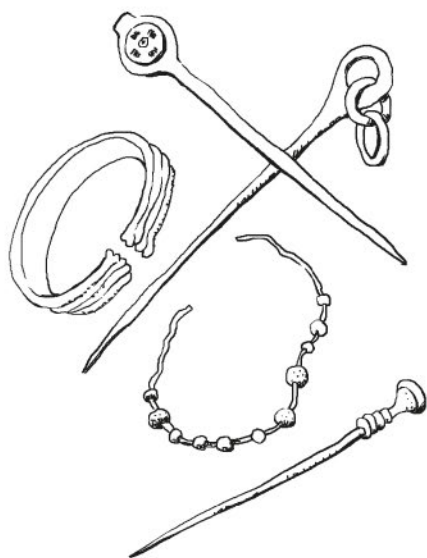

Иллюстрации Зденека Буриана

ЭДУАРД ШТОРХ

БРОНЗОВЫЙ клад

Санкт-Петербург

На Влтаве

Упорно падающие капли долбят даже гранит, а поток пробивает насквозь скалу. Великая река Влтава сто тысяч лет глодала каменное свое русло, унося муть и грязь на север.

И обнажилась равнина Летна.

Мощная река натолкнулась на кварцитовые скалы и свернула в сторону нынешнего района Манины, однако после Подбабы¹ опять устремилась к северу. Как раз тогда первые пралюди оживили края Западной и Южной Европы, а возможно, забрела сюда и группа диких охотников.

Миновало пятьдесят тысяч лет.

Влтава все глубже зарывалась в пласты Летны, вымывая щебень и песок. Речное русло углублялось, уровень водной глади понижался — поначалу медленно, но затем, по мере того как текущие воды сливались в единое мощное течение, все быстрее, и продолжалось это до тех

¹ *Летна, Манины, Подбаба* — эти названия носят районы Праги и поныне. — *Здесь и далее (кроме особо оговоренных случаев) примеч. перев.*

пор, пока речное русло — за сто лет — не стало глубже на десять сантиметров. Сегодня воды Влтавы находятся уже на сто метров ниже, чем во время рождения реки.

Когда первобытные охотники преследовали здесь оленьи стада и устраивали западни на огромных мамонтов, русло Влтавы было двадцатью метрами выше, чем нынче. А когда в удобной пражской низине, полной островов, речных рукавов и буйной растительности, обустроивались в убогих деревеньках первые оседлые жители, водная гладь Влтавы блестела в солнечных лучах на восемь метров выше, чем сейчас.

А Влтава все грызла да грызла свое русло и сантиметр за сантиметром, десятилетие за десятилетием все глубже погружалась в жесткое ложе. Люди каменного века пасли скот и растили на скромных маленьких полях лен и хлеб.

Проходили годы и годы, тысячелетие за тысячелетием исчезали в вечности. Неустанная работа влтавской воды углубила русло еще на несколько метров. Меньше пяти метров отделяло его от уровня, привычного нам... меньше четырех... трех...

Племена, поселившиеся на берегах прекрасной реки, посещали в те времена торговцы, доставлявшие сюда из южных краев удивительную, цвета золота бронзу. Женщины мечтали о бронзовых браслетах и заколках. Мужчины готовы были пожертвовать всем ради заветного бронзового ножа, копья, кинжала или даже увесистого меча, ибо прежнее каменное оружие, хотя и тщательнейшим образом изготовленное, их уже не устраивало.

Человеческая культура сделала шаг вперед. Закончился век каменный — на наши земли победоносно ступил век бронзовый.

Влтава все так же пела свою исконную шумную песню, теперь уже людям бронзового века, и миллиметр за миллиметром углубляла и углубляла русло.

Еще почти два с половиной метра твердой породы оставалось ей размыть до того времени, как объявятся на ее берегах люди века пара, электричества, радио, самолетов...

Что-то увидит она, когда ее воды потекут еще одним метром ниже?

Обретут ли тогда люди счастье, мир и братскую любовь?

Медведи

Несколько крохотных деревенок окаймляют подножие лесистых склонов. Вода и лес не дают деревенским обитателям умереть с голоду, хотя жизнь они ведут скромную. Полосы льна, пшеницы, ячменя и проса свидетельствуют о наличии примитивного земледелия. На лугах пасется кое-где тощая скотина. Крики пастухов, отыскивающих заблудившуюся корову, разносятся по лесу.

Речка Брусница невелика, но вода в ней чистая, так что водятся и форель, и раки. Там, где она впадает во Влтаву, виднеется несколько лачуг, принадлежащих роду Медведей; домишки-мазанки¹ Медведей раскиданы между Оленьим рвом, Дейвицами и нынешним районом Бубенеч. В похожем доме живет и глава рода, Сильный Медведь, а здесь, возле Брусницы, его замещает Кривой

¹ *Мазанка* — это небольшой дом, основа которого может быть как из сырцового кирпича, так и (как в данном случае) из дерева. Стены сделаны из сплетенных веток или из кусков бревен и обмазаны глиной или смесью глины с соломой.

Рот — жрец, колдун и шаман рода Медведей. Их обиталища большие, сложенные из толстых бревен.

Тщетно было бы искать Медведя-Следопыта в его хижине или под Дубом совета. И в поле мужчина не работал, и за скотиной не смотрел.

Все время он проводил в лесу. Дневал, а то и ночевал возле своих птичьих силков. Старейшина созвал членов рода на совет. Но под дубом собрались не все мужчины — там опять недоставало Следопыта. Напрасно его жена, красавица Малиновка, обкладывала горячими камнями горшок с жидкой кашей, напрасно варила в меду белочек — Следопыт к ужину так и не пришел. Над кровлями всех домишек поднимались столбы серого дыма, повсюду разносился аромат жареного мяса, и только Следопытова хижина стояла без дичи, а ненужный вертел валялся в углу. И это притом что всему роду известно: Следопыт — отличный охотник, который может добыть в лесу любую птицу, любого зверя.

Малиновка частенько слышала от соседей колкие словечки. Вот и сегодня противный Ворчун, проходя мимо, бросил: «Быстро что-то нынче в семье Следопыта упрямились с ужином!» Малиновка сверкнула глазами, взбежала на холм над речкой и выкрикнула имя мужа.

Он не откликнулся.

Медведь-Следопыт был настолько поглощен своим занятием, что не замечал бега времени, не думал о том, что под Дубом совета уже восседают на каменных подобиях скамей мужчины, готовые приступить к ежевечерней беседе.

Нетерпеливая Малиновка покачала головой и вернулась к хижине.

— Коротышка, где ты? — позвала она сына первой, уже покойной, жены Следопыта.

«Мальчишка весь в отца, — сказала про себя Малиновка. — Пропадает в лесу, а домой заявляется только поесть!»

— Коротышка, куда ты опять запропастился?

Из кустов показался невзрачный, с искривленным туловищем подросток. Не то чтобы он был горбуном, но из-за слабого короткого тельца с длинными руками и маленькой головой, ушедшей в острые плечи, он невыгодным образом отличался от прочих молодых членов рода. Потому никто и не звал его иначе как Коротышка, и немудрено, что ни от кого не слышал он ничего, кроме насмешек и издевок, если даже его новая мама, Малиновка, не находила для него ласковых слов. Много раз втолковывала она ему, что стыдится этакого калеки, и грозилась прогнать в лес, к волкам, как только родится у нее собственный сын.

Коротышка медленно приближался к мачехе. Он улыбался? Усмехался? Трудно сказать, ибо Коротышка всегда показывал зубы. Иногда это выглядело как горькая улыбка, однако сейчас его лицо выражало скорее детскую радость. В глазах плескалось победное удовлетворение.

Он гнал перед собой суслика, придерживая веревку, привязанную к задней лапке зверька, и направляя его прутиком по верному пути.

— Ты что же, решил, что нам хватит на ужин одного суслика? — закричала Малиновка.

Коротышка остался спокойным. Не выпуская из пальцев веревочку, он достал из лыкового лукошка свернув-

шегося ежа. Бережно положил его на землю и провел руками вдоль бедер, словно освобождая себя от боли, — колючки были острые.

— Ну и потешные же они, Малиновка... — проговорил он.

— И слышать не хочу про твои потехи! — прервала пасынка Малиновка. — Опять тащишь домой всяких вонючек! Вот возьму да и вышвырну их всех... А теперь ступай-ка в лес, ищи отца!

Коротышка запахнул свернувшегося клубком ежика и вырывавшегося суслика обратно в лукошко и пошел в лес.

Перебравшись через неглубокую Брусницу, он поспешил по неприметной тропинке вверх по склону. Под скалой, за грабовыми зарослями, мальчик и встретил Следопыта. Тот нес сплетенную из прутьев клетку, прикрытую куском холста.

— Поймал, да? — спросил парнишка.

Медведь-Следопыт молча усмехнулся.

Коротышка уже догадался, что охота сегодня удалась и что отец поймал нечто особенно ценное. Мальчик попытался было откинуть уголок ткани на клетке, но отец перехватил клетку другой рукой. «А, хочет похвалиться дома», — догадался Коротышка и засеменял рядом с отцом.

Коротышка очень гордился своим папой, признанным охотником. Никто в их роду не умеет ловить птиц в силки, тенёта¹ и сети, поражать их стрелой или из пращи так, как делает это Медведь-Следопыт. Клей, который он

¹ Тенёта — охотничья сеть для ловли некрупных животных.

по одному ему известному волшебному способу готовит из омелы, лучше, чем у всех других ловцов. Сам старейшина приходит за ним к Коротышкиному папе. Коротышка тоже умеет делать клей из смолы, вытекающей из сосен, но куда его клею до папиного, из омелы! Смоляной клей быстро засыхает и не может удержать даже жучка, зато папин долго сохраняет влагу и не отпускает на волю ни сорокопута, ни скворца.

Папа умеет делать еще много всяких удивительных вещей, он охотник из охотников! Когда зимой Медведи проверяли свои ловушки и капканы и находили их пустыми, Следопыт всегда уносил домой добычу. В роде думали, будто Следопыт — могучий колдун и заманивает зверей всяческими чарами. Но папа только смеялся над этим. Однажды он рассказал Коротышке, что дичь идет в его ловушки, точно слепая.

— Я вывариваю отбросы и порченную рыбу, добавляю заячьего сала, немного — совсем чуть-чуть! — бобровой струи¹ и содержимое мочевого пузыря волчицы. Мажу этой смесью ловушки — и готово, могу поймать даже лису!..

Коротышка и сам уже догадался, что вонь папиного средства отлично перебивает остатки человеческого запаха, который впитывается в ловушку и вообще во все, чего коснулся охотник. Ох, до чего же мудр его папка! Нигде больше нет такого добытчика.

¹ Бобровая струя — маслянистое, напоминающее мед или воск вещество, выделяемое бобрами из желез. (Примечание автора не совсем верно. По консистенции так называемая бобровая струя больше напоминает мокрый песок и используется животными для того, чтобы метить территорию. Вырабатывают ее бобры в пахучих железах. Струю бобра до сих пор используют в медицине и парфюмерии.)

Коротышка ни звуком не нарушал тишину. Он ступал аккуратно, не хрустнув ни единой веточкой. И не слышно вовсе, что тут идут два человека. Таков уж охотничий обычай, и Следопыт привык уважать его.

Коротышка мог пока поразмышлять о своем.

Когда он станет большим, то подастся куда-нибудь далеко и поселится в лесу, со зверями, с птицами... И никто не будет прогонять его.

Он вспомнил про мачеху и начал прикидывать, может ли она выполнить свою угрозу и выкинуть весь его зверинец. Тогда не останется у него на свете ни единой радости. Он так привязался к своим питомцам! За сойку ему предлагали красивую кунью шкурку, но он все равно ее не отдал. Его сойка такая ручная, что ее можно оставлять в открытой клетке, — она знай себе весело скачет по хижине и подбирает с земляного пола желуди, которые там для нее разбросаны. Иногда Коротышка смеется над ней: мол, она лопнет, если будет так набивать свой зоб, ведь последний желудь уже торчит у нее из клюва, который птичка даже закрыть не может. Ненасытная! Но сойка просто скачет в дальний угол — там в щелях стены у нее есть тайничок (и знает о нем только Коротышка!) — и засовывает туда все желуди. Подпихивает их клювом, а потом опять торопится к Коротышке — выпрашивать добавку... а если не получает ее, то всю хижину осматривает, каждую щель клювом проверяет, веточки, валяющиеся у очага, переворачивает и разбрасывает, в шкуры звериные залезает, но оттуда уж ее Малиновка, шлепнув чем-нибудь, гонит вон. Сойка мгновенно прячется и мяукает потом, словно кошка. А Коротышка отвечает ей посвистыванием. Тогда сойка скрипит, как

скворец, вылезает из укрытия, распушив хохолок, и выпускает хвостик. Коротышка кидает ей желудь, и сойка катает его по земляному полу и играет с ним, как дите малое. Но птичка всегда настороже. Стоит Малиновке замахнуться на нее еловой лапой, как сойка — шррр! — вспархивает и садится на висящую на стене клетку: там-то она в безопасности.

Его сойка отлично знает, кто ее обижает, а кто любит. Коротышки она не боится и, когда за ужином он берет-ся за миску, сразу летит к нему за едой. А однажды папа принес Коротышке молодого сарыча, и парнишка кормил его; так сойке сарыч настолько понравился, что она помогала Коротышке с кормежкой новой птицы. Она даже научилась сама кормить сарыча, как будто это был ее собственный птенец. Коротышка тогда чуть с ума не сошел от радости; он бы, дай ему волю, вообще бы ничего другого не делал, а дни напролет птиц своих обиха-

живал. Когда папа бывал дома, Коротышке с животными ничто не угрожало, да вот только Медведь-Следопыт все время пропадал в лесу!

А сарыча больше нет! Малиновка сказала, что он улетел, но Коротышка ей не поверил и долго еще бродил по лесной опушке и звал своего сарыча, однако так его и не нашел...

И волчонок он лишился... Второй раз причем! Первый волчонок попался в их с отцом ловушку. Когда его вели домой, он кусал все вокруг и ужасно рычал, а ночью перегрыз веревку и сбежал. Второй же молодой волк, которого Коротышка поймал сам, когда отец убил старую волчицу, оказался поспокойнее, его явно можно было бы приручить. Коротышка очень заботился о нем, сытно кормил. И этим-то и погубил — волчонок глотал все так жадно, что объелся и сдох...

С той поры волка он больше не хочет. Когда он вырастет и накопит побольше шкур, то купит в Шарке¹ собачку, такую же, какая есть у шамана Кривого Рта. Собачка будет всюду с ним бегать, будет есть с ним и спать... И мальчишки перестанут жестоко дразнить его, потому что испугаются собаки.

Коротышка углубился в мысли о своих животных. Вдруг неподалеку раздалось птичье пощелкивание.

Следопыт мгновенно замер.

— Это зеленая пересмешка, — прошептал Коротышка и тут же резко присел на корточки, чтобы избежать отцовской затрещины.

¹ В наши дни в описываемых местах находится пражский природный заповедник Дивока (Дикая) Шарка. Люди обосновались здесь еще во времена палеолита, так что в бронзовый век Шарка была относительно крупным поселением.

— Нет-нет, не пересмешка, я хотел сказать — пеночка, — быстро поправился подросток.

Следопыт сплюнул.

Коротышка понял, что опять ошибся.

— Я, парень, тебя за ногу на бук подвешу! — взъярился отец. — Ничего не помнишь, ничему не учишься! Это же стыд какой: такая дубина великовозрастная, а не умеет крик сарыча распознать!

— Да-а-а, сарыч, — защищался Коротышка. — Он любого обманет...

— Разве что такого дурака, как ты, — сердито выговаривал Следопыт сыну, но прежней ярости в голосе больше не было. Тем более что крик сарыча и опытный ловец не всегда узнает — что правда, то правда.

— И кем же ты, Коротышка, вырастешь? — скорее себе под нос, чем обращаясь к мальчику, проговорил Следопыт. — Для тяжелой работы ты не годишься, силенок маловато, а теперь еще и сарыча с пересмешкой спутал. Надо тебе старательнее учиться, не то пропадешь в жизни. Ну-ка, покажи, как кричит сова!

Коротышка протяжно заухал.

Следопыт явно остался доволен, однако все же заметил:

— Голос надобно немного через нос пропускать! — И продолжил испытание сына: — Как делает ежик?

Ну, это Коротышка хорошо знал.

Он всхрипнул, а потом застонал и заплакал, почти как ребенок.

— А как кричит заяц, попавши в силки?

Коротышка жалобно, совсем по-заячьи, вскрикнул.

— А что барсук?

Коротышка захрюкал, точно вепрь, а затем заворчал так умело, что любой охотник решил бы, что и вправду слышит злого барсука.

Потом еще Коротышке пришлось показать, как по-свистывает ястреб, как поползень, как зимородок, как кричат перепелка и утка.

Отец прищурился, и Коротышка понял, что испытание проходит хорошо. Но это еще был не конец.

Следопыт засвистал так, будто играл на дудочке, и Коротышке надо было угадать, что это за птица.

— Иволга, — уверенно ответил он.

Тогда Следопыт задал новую задачу.

— Чек-чек-чек! — проникновенно пропел он.

— Пеночка, которая замечает опасность, — немедля догадался Коротышка.

В таких занятиях Следопыт и его сын могли провести хоть весь день, сейчас они были в своей стихии. Ради птиц они позабывали обо всем на свете...

Наконец Коротышка сказал:

— Малиновка... она... ну, что ты все никак не идешь...

Медведь-Следопыт поджал губы. Он ничего не ответил, но в его прищуренных глазах вспыхнул огонек.

Домой... ах, ну да, домой...

Везде и всегда общий настрой душ является основой семейной жизни. Но в Следопытовой хижине лада не было. Да, жена у охотника молодая, красивая, улыбчивая — и вдобавок еще эти ямочки на щеках... Когда-то он целый год служил ее родителям, отдавал им лучшую часть добычи, делал за них работу, рубил деревья, долбил лодку... и много еще всякого-разного, и все ради того, чтобы получить право привести Малиновку к себе в дом.

Три года миновало с тех пор — как же быстро они пролетели! Хорошо помнит Следопыт ту, прежнюю, молодую жену, лучившуюся счастьем. Пришла она к Следопыту не с пустыми руками. Дали за ней большое приданое, которое ее отец самолично в день свадьбы принес в хижину зятя. Три камня под очаг, несколько глиняных посуды, которые невеста сама вылепила и украсила, бронзовый нож, две деревянные ложки и огромный, тщательно выровненный гладкий гранитный круг — жернов для измельчения зерна.

Весело стало в хижине Медведя-Следопыта. Он радовался и не вспоминал уже покойницу-жену.